

Чудеса и материальная жизнь: рис, руда, капканы и оружие в исламской Малайе

Кембридж: издательство Кембриджского университета, 2020.

290 страниц.

ТЕРЕН СЕВЕА (TEREN SEVEA)

Книга «Чудеса и материальная жизнь» Теренджита Севаи напоминает торжественное открытие независимого книжного магазина, мимо которого вы случайно проходили. Наконец-то доступны хранилища увлеченного коллекционера, и каждый уголок, который вы исследуете, сулит волнующее, неожиданное открытие. В центре внимания микроистории Севаи находится исламский чудотворец («паванг» или «бомох»), живший в Малайе конца XIX – начала XX века. Опираясь на свое творческое взаимодействие с рукописями на джави и обширные исследования по суфизму, исламской материальной культуре и исламу в Южной и Юго-Восточной Азии, Севеа демонстрирует, как эти удивительные личности воплощали исламскую традицию и формировали колониальные условия труда, а также показывает, как суфийские сети, местные формы жизни и непредвиденные рабочие ситуации, в которых оказывались эти исламские чудотворцы, вдохновляли их исламскую практику и влияли на современную Малайю. Эта монография будет особенно ценна для ученых, занимающихся вопросами ислама и современности, суфизма и ислама в Юго-Восточной Азии. В этих областях Севеа раскрывает крайне малоизученные аспекты исламской традиции. Но анализ, проведенный Севеа, также будет полезен для таких обширных

областей, как история науки, материальные религиоведческие исследования, гендерные исследования, этнические исследования, экокритика и постколониальные исследования. Как и в случае с вышеупомянутым книжным магазином, краткое ознакомление с книгой «Чудеса и материальная жизнь» приведет к немедленным находкам, однако настоящие жемчужины обнаруживаются при кропотливом изучении книги во время вечерних размышлений или интенсивного погружения в тему вместе с любознательными друзьями.

По сути, «Чудеса и материальная жизнь» — это микроистория павангов Малайи. Внимательно читая концептуально и лингвистически замысловатые рукописи на джави, обращаясь к романизированным малайским агиографиям и наставлениям живых бомохов, Сева выявляет историческое значение заклинаний, линий передачи и сакральных нарративов, которые ученые прошлого не принимали в расчет как простую «магию» и «идолопоклонство». Сева не только расшифровывает эти сложнейшие источники, но и создает своими руками историю труда, производства знаний и властных отношений, читая между строк и сквозь них. Получившееся в результате исследование основывается на интеллектуальных историях транснациональных научных сетей в Юго-Восточной Азии (Azra 2004), на пограничном суфизме и труде (Adas 1964; Eaton 1994) и исламских экономиках индоокеанского космополиса (Green 2011 и 2015). Сева мастерски отыскивает исламскую материальность в рисоводстве, горном деле и охоте, тем самым косвенно отвечая на призыв таких ученых, как Майянти Фернандо (2017) и Надия Фадил (2019), бросить вызов светским взглядам, доминирующим в исследованиях ислама. Таким образом, работа Сева также дополняет критические разговоры о секуляризме, которые были начаты Талалом Асадом (2003) и приобретают все большую значимость в академических кругах (Agrama 2012; Tareen 2020). Полученный в результате анализ проясняет взаимосвязь труда и исламской материальности, открывая новаторские направления для анализа.

Структурно книга «Чудеса и материальная жизнь» открывается введением, изобилующим теоретическими, методологическими и историческими сведениями. Последующие главы Сева систематизирует по темам и источникам. В главах 1 и 2 подробно описывается роль павангов в вырубке лесов и рисоводстве, а также то, как они отстаивали и поддерживали исламский авторитет посредством разработки космологий и своих сельскохозяйственных знаний. Не ограничиваясь детальным описанием аграрных и исламских материальных подробностей

рисоводства на основе ряда источников, Севеа показывает, как слияние генеалогических практик, исламской космологии и колониальных иерархий определило интерпретацию павангами исламской традиции. Глава 3 посвящена роли павангов в горнодобывающих работах в Малайе, в ней раскрывается значение исламского чудотворства для добычи полезных ископаемых и колониализма. Последние две главы сосредоточены на отлове, приручении и охоте на слонов, а в главе 5 особое внимание уделено традициям, сложившимся вокруг европейской оружейной технологии. В заключении основные аргументы Севеа, касающиеся бомохов XIX века и современности, соотносятся с более поздними обстоятельствами, такими как нападки властей на исламских чудотворцев, стимулированное капиталом уничтожение сакральных пространств, а также приход к власти Трампа и других авторитарных лидеров. Если это осталось незамеченным в предыдущих главах, то заключение Севеа усиливает резонанс между материальным миром бомохов XIX века и сегодняшним днем: глобализация набирает обороты; технологии и политическая экономия определяют воспроизводство исламской традиции; труд, капитал и религиозные мотивы сливаются в одно целое. Как оказывается, в данной микроистории, как в кривом зеркале, отражается современная исламская жизнь.

Обилие увлекательных данных в этом исследовании предлагает ученым, изучающим космополис Индийского океана, малайский мир и суфизм, множество отправных точек для будущих исследований. В частности, дальнейшее внимание к расе и гендеру одновременно придало бы глубину микроистории Севеа и обогатило бы выявленными им важными деталями новейшие теоретические дискуссии. Севеа блестяще описывает гендерно-дифференцированные перформансы исламских чудотворцев и их товарищей по труду, приводя особенно увлекательные рассказы о религиозной экономике гендерно-дифференцированного труда. Аналогичным образом подробно рассматриваются процессы расовой идентичности в демонологии и трудовых практиках. Сделанный Севеа комплексный обзор гендера и расы в Малайском мире был бы еще плодотворнее, если бы он и его будущие собеседники рассмотрели вклад, который могут внести в этот анализ квир-теория, исследования африканской диаспоры и критическая теория расы, подобно тому как обращение к постколониальным исследованиям повлияло на его критику идеологически-ориентированных моделей колониализма.

Интерпретация первоисточников Севеа также может выиграть от дальнейших размышлений об их эмоциональном

содержании и надежности современных бомохов. Севеа использует утилитарный подход к анализу труда, связанного с невидимым (*ал-хайб*), демонстрируя тем самым реальную работу, выполняемую элементами, которые в историческом анализе часто представляются несущественными. При всей своей остроте эта линия рассуждений не учитывает телесные, осязаемые измерения магии и чудес, которые сам Севеа обнаруживает в этих манускриптах: зрелищность, испуг, благоговение и уверенность, порождаемые этими действиями. Что может показать дальнейшее внимание к экономике удовольствия и режимам чувствования в отношении исламского чудотворства и непростых отношений между бомохами, реформистами и колониальными администраторами? Возникает также вопрос, можно ли полагаться на понимание современными бомохами, с которыми беседовал Севеа, изложенных в этих источниках конца XIX – начала XX века концепций? Возможно, будущие проекты проработают вопросы несоответствий и диссонансов между современными источниками и историческими, а также возможности и проблемы, возникающие при работе с такими скудными, находящимися под угрозой исчезновения документами.

Помимо своей широкой научной ценности, книга «Чудеса и материальная жизнь» станет отличным учебным пособием. Аспиранты и студенты старших курсов извлекут огромную пользу из емкого обзора научных работ по суфизму, Юго-Восточной Азии, исламу и современности, приведенного во введении. Кроме того, отдельные главы представляют собой увлекательное руководство для студентов в более широком смысле, как, например, очерк об «оружейных гуру» в главе 5 и тематическое исследование антропогенного изменения климата под влиянием колониализма и капитала в главе 3. Однако данные целевые рекомендации не могут охватить этот проект. Восторженный энтузиазм, исходящий от книги Севеа «Чудеса и материальная жизнь», делает ее обязательной к прочтению всем, кто интересуется гетерогенностью, пористостью и комплексностью ранне-современной и современной исламской традиции, а также тем, кто посвятил себя автохтонным материальным онтологиям и экокритическому анализу труда.

МАКС ДЖОНСОН ДУГАН
ДОКТОРАНТ, ПЕНСИЛЬВАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛАДЕЛЬФИЯ, ПЕНСИЛЬВАНИЯ

Цитируемые работы

- Adas, Michael. *The Burma Delta: Economic Development and Social Change on an Asian Rice Frontier, 1852–1941*. Мэдисон: Издательство Университета Висконсина, 1964.
- Agrama, Hussein Ali. *Questioning Secularism: Islam, Sovereignty, and the Rule of Law in Modern Egypt*. Чикаго: Издательство Чикагского университета, 2012.
- Asad, Talal. *Formations of the Secular: Christianity, Islam, Modernity*. Стэнфорд: Издательство Стэнфордского университета, 2003.
- Azra, Azyumardi. *The Origins of Islamic Reformism in Southeast Asia: Networks of Malay-Indonesian and Middle Eastern 'Ulama in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*. Гонолулу: Издательство Гавайского университета, 2004.
- Eaton, Richard M. *The Rise of Islam and the Bengal Frontier, 1204–1760*. Дели: Издательство Оксфордского университета, 1994.
- Fadil, Nadia. “The Anthropology of Islam in Europe: A Double Epistemological Impasse.” *Annual Review of Anthropology* 48 (2019): 117–32.
- Fernando, Mayanthi. “Supernatureculture.” *The Immanent Frame* (blog), December 11, 2017. <https://tif.ssrc.org/2017/12/11/supernatureculture/>.
- Green, Nile. *Bombay Islam: The Religious Economy of the West Indian Ocean, 1840–1915*. Нью-Йорк: Издательство Кембриджского университета, 2011.
- . *Terrains of Exchange: Religious Economies of Global Islam*. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 2015.
- Tareen, SherAli. *Defending Muhammad in Modernity*. Нотр-Дам: Издательство Университета Нотр-Дам, 2020.